

Материалы к биографиям ученых и инженеров

А. Г. АЛЛАХВЕРДЯН

КАК РЕПРЕССИРОВАННЫЙ АСПИРАНТ СТАЛ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ «РЕПРЕССИРОВАННОЙ НАУКИ» (научное и личное в творческой судьбе М. Г. Ярошевского)

Мертвые живы, пока есть живые,
чтобы о них вспоминать.

Э. Априо

Одна из отличительных особенностей творческой самобытности М. Г. Ярошевского — его научная разносторонность. Ученый с ярко выраженной ориентацией на междисциплинарные исследования, он внес значимый вклад в развитие таких областей гуманитарного знания, как история и теория психологии,

Михаил Григорьевич Ярошевский

психология научного творчества, психология науки, социальная история науки, методология науки и науковедение. Это нашло отражение в его почти 300 научных работах, в том числе в более чем 30 монографиях, учебных пособиях и словарях, где он выступил в качестве автора, лидера авторского коллектива и ведущего редактора изданий [1–30]. При том, что Ярошевский вел плодотворный научный поиск в различных гуманитарных дисциплинах, все-таки ведущей, базовой дисциплиной, в которой он достиг наиболее значимых и общепризнанных результатов, является история психологии. Здесь прежде всего следует отметить такие первые его фундаментальные работы, как «История психологии» в 3-х изданиях [2], «Психология в XX столетии» в 2-х изданиях [7], «Развитие и современное состояние зарубежной психологии» [10] (совместно с Л. И. Анцыферовой) и многие другие работы, подготовленные позднее, и в особенности в последнее десятилетие его жизни [25–30]. «По натуре он первооткрыватель, — писал академик РАО А. В. Петровский, — и проторенными дорожками в науке не ходит. Ему принадлежит первая изданная в нашей стране книга по истории мировой психологии» [31, с. 211].

Всесторонняя оценка его многогранного творческого наследия еще станет предметом специального историко-психологического исследования. Здесь же мы остановимся лишь на одном драматическом эпизоде, имевшем место в самом начале научной биографии Михаила Григорьевича, который впоследствии, через четыре десятилетия, привел, как нам представляется, к формированию нового научного направления в социальной истории отечественной науки.

* * *

Детство и юношеские годы М. Г. Ярошевского по времени совпали с периодом послеоктябрьских социальных потрясений, наложивших свой отпечаток на формирование его личности.

М. Г. Ярошевский родился 22 августа 1915 г. в Херсоне (Украина). В 1937 г. он заочно окончил факультет русского языка и литературы Ленинградского государственного педагогического института, одновременно (с 1934 г.) учительствуя в средней школе. По окончании института М. Г. Ярошевский поступил в аспирантуру Государственного института психологии в Москве (ныне — Психологический институт РАО), где работал под руководством С. Л. Рубинштейна. Однако продолжить учебу в аспирантуре и работу в школе ему не пришлось. 9 февраля 1938 г., в господствовавшей тогда атмосфере массовых политических репрессий, 23-летний аспирант Михаил Ярошевский по доносу был арестован органами НКВД. По словам С. А. Калядиной:

Дальнейшее походило на кошмарный сон, но, увы, оказалось явью. Следователи, задав несколько вопросов, начали нещадно избивать его. Затем печально знаменитый «конвейер», когда приходилось стоять 4–5 суток перед сменявшими друг друга следователями. Когда падал — вновь избивали.

Страшным в этом кошмаре, — вспоминал впоследствии сам Ярошевский, — было еще и чувство того, что никого не интересовало, виноват ли ты и в чем, собственно, твоя вина. Когда после избиваний бросали в камеру, начинались галлюцинации. «Вбивали» готовый «сценарий», зачастую придуманный следователем. Алогичность этого сценария, его несовпадение с очевидными фактами, отсутствие каких-либо доказательств — значения не имели. Не покидало ощущение того, что твои убеждения, твоя личность истреблены этой кровавой мясорубкой. Несколько замечательных людей умерли в камере после пыток на моих руках [24, с. 193].

31 марта 1938 г. М. Г. Ярошевский подписал самооговор, невзирая на чудовищность обвинения.

Каков же был вбиваемый следователями «сценарий»? Какое место в нем отводилось аспиранту М. Ярошевскому? Суть обвинения сводилась к следующему:

В Ленинграде существовала большая, тщательно законспирированная студенческая террористическая организация. Основные задачи ее: покушение на Жданова, взрыв Дворцового моста во время первомайской демонстрации и тому подобное (отсутствие как пиротехников в рядах «заговорщиков», так и взрывчатки и вообще любого вида оружия следователей нисколько не смущало) [24, с. 193].

Организация, согласно обвинению, была тщательно законспирирована, разбита на отдельные группы, члены которых знали только своего старшего. Михаил Ярошевский как раз и был объявлен руководителем одной из таких групп. А руководителем всей террористической организации, согласно «сценарию», был Лев Гумилев, сын двух опальных русских поэтов — А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева.

Более года Ярошевский находился в «Крестах», ожидая своей участи. Наконец, 23 мая 1939 г., не входя в особые объяснения, не выдав никаких документов или справок о причинах его пребывания в этих стенах, Ярошевского освободили. Только придя домой, он узнал, что Ежова сменил Берия, что приговор по его делу, слепленному невероятно невежественно даже для того времени, не был утвержден Военной коллегией Верховного суда СССР, и дело отправлено на доследование...

Что же, справедливость наконец восстановлена? Добродетель торжествует, порок наказан? Нам с позиции 90-х гг. очень хорошо известно, что на самом деле случилось в этот момент, — писала С. А. Калядина. — При замене руководителя НКВД машина террора приостановилась на мгновение. Для доказательства того, что в НКВД пришел наконец «добрый, хороший начальник», было выпущено немало несправедливо обвиненных людей.

Правда, в образовавшийся узкий просвет на волю вышло не более 5% заключенных. А машина уже вновь набирала обороты [24, с. 196].

И только сорок два года спустя постановлением прокуратуры Ленинграда «дело в отношении Ярошевского М. Г. производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Ярошевский М. Г. реабилитирован». Это произошло 7 мая 1991 года.

Герб СССР
 Прокуратура СССР
 ПРОКУРАТУРА
 города
 ЛЕНИНГРАДА
 190000, г. Ленинград,
 ул. Якубовича, 4
 08.05.91. № 13-147-91

Москва,
 ул. Большая Академическая,
 дом 6, кв. 31
 гр-ну Ярошевскому М. Г.

СПРАВКА

Постановлением прокуратуры города Ленинграда от 7 мая 1991 года уголовное дело по обвинению ЯРОШЕВСКОГО МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА, 1915 года рождения, уроженца города Херсона, преподавателя школы № 22 Ленинского района, Ленинграда, арестованного 9 февраля 1938 года, в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР, производством прекращено за отсутствием состава преступления по п.2 ст.5 УПК РСФСР.

ЯРОШЕВСКИЙ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ реабилитирован.

Заместитель прокурора города
 Ленинграда, советник юстиции

Н. П. Дудин

Ушедший в прошлое «репрессированный» период в жизни М. Г. Ярошевского (как и в жизни многих тысяч других советских ученых) впоследствии не раз эхом отзывался на различных этапах его научной карьеры. Парадоксальное совпадение, но именно в том же 1991 г. в Ленинградском отделении издательства «Наука» под редакцией профессора М. Г. Ярошевского вышел сборник научных трудов «Репрессированная наука» [22], а через три года вышел 2-й выпуск [24] этого цикла новаторских историко-научных исследований. Так драматический фрагмент из истории личной жизни Ярошевского обернулся впоследствии, более чем через че-

тыре десятилетия, рождением нового направления исследований в социальной истории отечественной науки советского периода.

Пагубность глобального сталинского террора для будущего страны, для исторических судеб ее народов преувеличить невозможно, — отмечал М. Г. Ярошевский. — Жертвой террора стала преимущественно наиболее работоспособная часть населения, — та возрастная категория, которая, аккумулируя лучшие силы нации, определяет ее процветание <...> Разрушался генофонд народа, его творческий потенциал. И это, конечно, не могло не предопределять ослабление энергии следующих поколений, в том числе и тех, чьими талантами обусловлен научно-технический прогресс. Волна кровавых репрессий поглотила и часть студенческой молодежи, считавшейся властями потенциально опасной для тоталитарного режима... О том, что истреблялась молодежь, служащая резервом будущей науки (и тем самым наносился непоправимый ущерб этому будущему), свидетельствуют редкие прецеденты, когда в силу случайного стечения обстоятельств студенты и аспиранты, оказавшиеся в застенках НКВД, уцелев, становились известными учеными. Им повезло. Но сколько молодых людей, которые впоследствии могли бы составить славу отечественной науки, погибли в безвестности в этих застенках и во мраке ГУЛАГа [24, с. 199].

Академик Дмитрий Лихачев, анализируя бедствия сталинского террора, писал:

Можно ли исчислить жертвы репрессий только числом расстрелянных и замученных человеческих душ... Сколько в зародыше погибло плодотворных идей, сколько талантливых людей не смогли пробиться к научной работе, получить образование по причине «неудовлетворительности» своих анкетных данных, сколько талантливых людей отказались заниматься наукой, ушли в более «безопасные» области деятельности. <...>

Зло по большей части шумно и крикливо. Поэтому кажется, что злых людей всегда много. Они всюду выступают, громко заявляют о своем существовании, чтобы поверили в их искренность и «принципиальность». В общем шуме им даже легче скрыть свои голоса, и они заботятся о том, чтобы и другие выступали, печатали обращения, осуждали вместе с ними. Настоящие же ученые хранят науку в тиши. Преимущество научных традиций совершается через личные примеры, с глаз на глаз... [22, с. 6].

Нельзя не согласиться, что тема репрессированных наук и ученых, наряду с историко-научным, имеет важный социально-научный аспект, как часть значительно более широкой проблемы взаимоотношения науки и власти. Парадокс: власть, испытывающая потребность в результатах научного труда, в процессе своей эволюции может не просто приносить в жертву науку, а организационно противодействовать развитию знания. Конечно, это наблюдается не всегда и не везде. Однако известные историкам факты, прежде всего в нашей стране, заставляют задуматься над тем, почему это происходит и что нужно сделать для того, чтобы этого не было [24, с. 5].

Многие ученые и деятели культуры пытаются ответить на эти вопросы. Известны высказывания А. Д. Сахарова, А. И. Солженицына, А. Н. Яковлева и других. Эта тема обсуждается не только в российской печати [32–35], ей посвящены работы зарубежных авторов [36]. Поэтому вполне закономерно, что книга «Репрессированная наука», давшая начало новому направлению исследований в отечественной социальной истории науки, инициатором создания которого был М. Г. Ярошевский, рекомендована как учебное пособие по специальности «История науки и техники».

Литература

1. *Ярошевский М. Г.* Проблема детерминизма в психофизиологии XIX века. Душанбе, 1961.
2. *Ярошевский М. Г.* История психологии. М., 1966 (2-е изд. — 1976; 3-е изд. — 1985).
3. *Ярошевский М. Г.* Иван Михайлович Сеченов. М., 1968.
4. Научное творчество / Под ред. С. Р. Микулинского и М. Г. Ярошевского. М., 1969.
5. Проблема научного творчества в современной психологии / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1971.
6. Научное открытие и его восприятие / Под ред. С. Р. Микулинского и М. Г. Ярошевского. М., 1971.
7. *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии. М., 1971 (2-е изд. — 1974).
8. Человек науки / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1974.
9. Социально-психологические проблемы науки / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1974.
10. *Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.
11. *Ярошевский М. Г., Чеснокова С. А.* Уолтер Кеннон. М., 1976.
12. Школы в науке / Под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. М., 1977.
13. *Ярошевский М. Г., Зорина Л. Я.* История науки и школьное образование. М., 1978.
14. Иван Михайлович Сеченов (к 150-летию со дня рождения) / Под ред. П. Г. Костюка, С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М., 1980.
15. *Ярошевский М. Г.* Сеченов и мировая психологическая мысль. М., 1981.
16. Проблемы руководства научным коллективом / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1982.
17. Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Сост. Л. А. Карпенко. М., 1985 (2-е изд. — 1998).
18. Роль дискуссий в развитии естествознания / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1986.
19. Психологические проблемы автоматизации научно-исследовательских работ / Под ред. М. Г. Ярошевского, О. К. Тихомирова. М., 1987.
20. *Белкин П. Г., Емельянов Е. Н., Иванов М. А.* Социальная психология научного коллектива / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1988.
21. Психология. Словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Сост. Л. А. Карпенко. М., 1990.
22. Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. Сост. А. И. Мелуа, В. М. Орел. Л., 1991.
23. *Ярошевский М. Г. Л.* Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993.
24. Репрессированная наука. II выпуск / Под ред. М. Г. Ярошевского. Ред.-сост. А. И. Мелуа. СПб., 1994.
25. *Ярошевский М. Г.* Историческая психология науки. СПб., 1995.
27. *Ярошевский М. Г.* История психологии. От античности до середины XX века., 1996.
28. *Ярошевский М. Г., Петровский А. В.* Основы теоретической психологии. М., 1998 (2-е изд. — 2001).
29. *Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г.* Психология науки. М., 1998.
30. *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Психология. М., 1999 (2-е изд. — 2000; 3-е изд. — 2001).
31. *Артур Петровский.* Откровенно говоря. Ростов-на-Дону, 1997.
32. Репрессированные геологи / Под ред. В. П. Орлова. СПб., 1995.
33. Репрессированные этнографы / Под ред. Д. Д. Тумаркина. М., 1999.
34. *Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. К.* Судьбы интеллигенции в воркутинских лагерях // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 52–77.
35. *Соболев Д. А.* Репрессии в советской авиапромышленности // ВИАЕТ. 2000. № 4. С. 44–58.
36. *Грэхэм Л. Р.* Очерки истории российской и советской науки. М., 1998.